

Сергей Плохий
ПОСЛЕДНЯЯ **ИМПЕРИЯ**

Serhii Plokhy

THE LAST **EMPIRE**

The Final Days of
the Soviet Union

Сергей Плохий
ПОСЛЕДНЯЯ **ИМПЕРИЯ**
Падение Советского Союза

Перевод с английского

Сергея Гирика, Сергея Лунина и Анатолия Сагана

издательство **аст**

москва

УДК 94(47+57)“1985/1991”
ББК 63.3(2)635
П39

Фотографии на обложке: Par6450237 — PIKO / AFP / East News
Par1603148 — Alexander Nemenov / AFP / East News
ITAR-TASS

Публикуется с разрешения издательства BASIC BOOKS, an imprint of PERSEUS BOOKS LLC. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Плохий, Сергей.

П39 Последняя империя. Падение Советского Союза / СЕРГЕЙ ПЛОХИЙ; пер. с англ. С. ГИРИКА, С. ЛУНИНА И А. САГАНА. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2016. — 624 с.

ISBN 978-5-17-092454-7

Почти полвека СССР и США вели холодную войну, нередко грозившую перейти в “горячую”. Деление мира по идеологическим границам казалось вечным. Но неожиданно одна из сторон спустила флаг. Профессор истории Гарвардского университета излагает хронологию пяти последних месяцев 1991 года, изменивших нашу страну и мир, и предлагает взвешенную оценку событий, обусловивших и сопровождавших гибель СССР и начало самостоятельной жизни России, Украины и других бывших советских республик.

В 2015 году автор удостоился двух престижных премий: *Pushkin House Russian Book Prize* (за лучшую англоязычную книгу о России) и *Lionel Gelber Prize* (за лучшую документальную книгу о международных отношениях и политике).

УДК 94(47+57)“1985/1991”
ББК 63.3(2)635

ISBN 978-5-17-092454-7

- © Serhii Plokyh, 2014
- © С. Гирик (гл. 7-12, предисловие, указатель), С. Лунин (гл. 13-18, эпилог) и А. Саган (гл. 1-6, благодарности), перевод на русский язык, 2016
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016
- © ООО “Издательство АСТ”, 2016
- Издательство CORPUS ®

Оглавление

Предисловие 13

Часть I. Последний саммит

Глава 1. Встреча в Москве 27

Глава 2. Могильщик партии 54

Глава 3. Цыпленок по-киевски 82

Часть II. Танки августа

Глава 4. Крымский пленник 111

Глава 5. Бунтарь 136

Глава 6. Триумф 157

Часть III. Контрпереворот

Глава 7. Русский бунт 185

Глава 8. Независимая Украина 206

Глава 9. Спасение империи 228

Часть IV. Союз несогласных

Глава 10. Вашингтонская дилемма 251

Глава 11. Российский ковчег 277

Глава 12. Последний герой 301

Часть V. Глас народа

Глава 13. Накануне	329
Глава 14. Украинский референдум	355
Глава 15. Славянская троица	378

Часть VI. Прощай, империя!

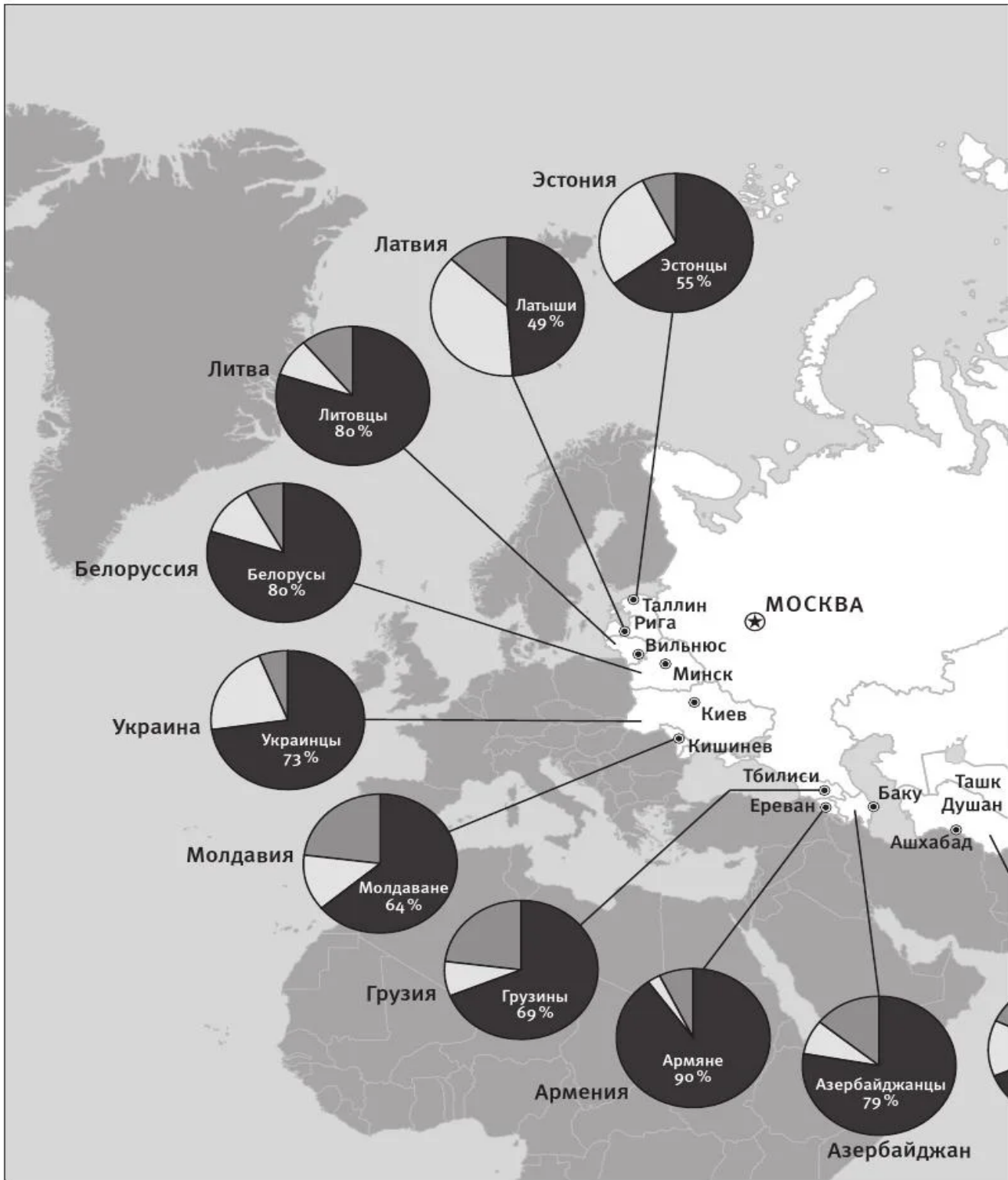
Глава 16. От Союза к Содружеству	409
Глава 17. Победа Евразии	443
Глава 18. Рождество в Москве	473
Эпилог	503
Благодарности	531
Примечания	535
Предметно-именной указатель	606

*Посвящается детям империй,
завоевавшим свободу*

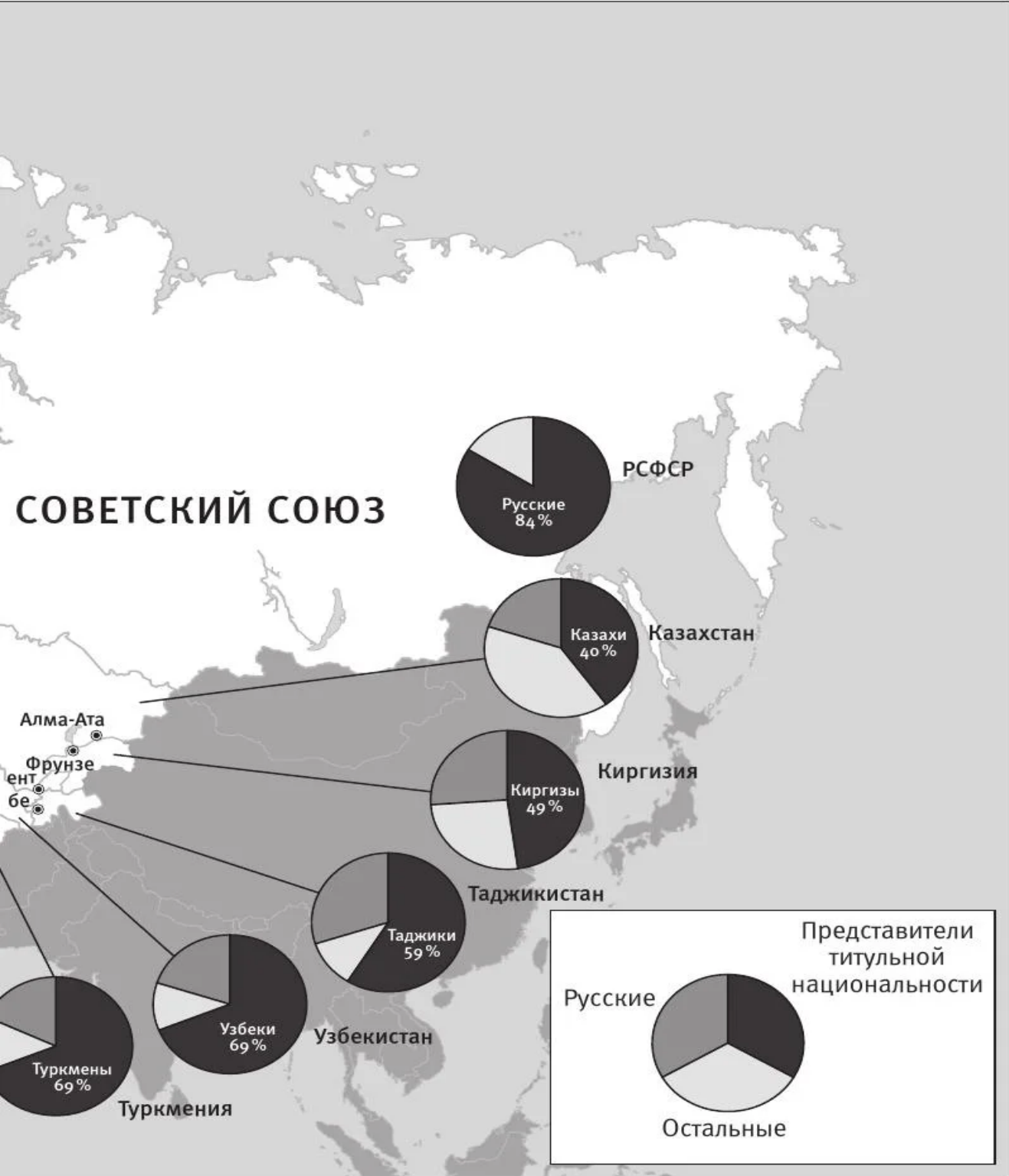

Мир в эпоху холодной войны (1980).

Империя и национальные окраины.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Предисловие

Мало кто ожидал увидеть такое. На фоне вечернего неба над головами собравшихся на Красной площади туристов, над стволами винтовок почетного караула с флагштока здания Сената — резиденции советского правительства и, до недавнего времени, символа коммунизма — спустили красный флаг. Миллионы телезрителей, наблюдавших эту картину в рождественский вечер 1991 года, не могли поверить своим глазам. В тот же день в прямом эфире передали обращение уходящего в отставку первого и последнего президента СССР Михаила Горбачева. Советского Союза не стало.

Первым на вопрос, что произошло, попытался ответить президент США Джордж Г. У. Буш. Он выступил перед американцами вечером 25 декабря, через несколько часов после того, как Си-эн-эн и другие телеканалы показали речь Горбачева и спуск флага. Американский лидер попытался объяснить, что за подарок получили к Рождеству сограждане. Он связал новости из СССР с победой США в холодной войне.

Через несколько недель Буш выступил с ежегодным посланием к народу. В нем распад Советского Союза был назван “переменной почти библейского масштаба”. По словам Буша, “милостью божьей Америка победила в холодной

войне”, установился новый миропорядок. Выступая на объединенном заседании Сената и Палаты представителей, президент заявил: “Мир, некогда разделенный на два вооруженных лагеря, признает теперь одну сверхдержаву — Соединенные Штаты Америки”. Зал взорвался аплодисментами¹.

Более сорока лет США и СССР вели глобальное противостояние, которое лишь благодаря счастливой случайности не завершилось ядерной катастрофой. Разделение мира на два лагеря (первый олицетворяло красное знамя над Кремлем, второй — звездно-полосатый флаг над Капитолием) казалось вечным. Те, кто учился в школе в 50-х годах, еще помнят учебные сигналы ядерной тревоги, во время которых нужно было прятаться под партами. Сотни тысяч американцев воевали в горах Кореи и во вьетнамских джунглях, десятки тысяч погибли, чтобы остановить наступление коммунизма. Поколения интеллектуалов спорили, был ли Эдджер Хисс советским шпионом. Десятилетиями Голливуд чувствовал последствия маккартизма. Еще за несколько лет до краха Советского Союза по улицам крупнейших городов США шли демонстранты, призывавшие к ядерному разоружению. Отношение к этому вопросу раскалывало семьи: так, молодой активист Рональд П. Рейган стал врагом собственного отца — президента Рональда У. Рейгана. Американцы и их союзники воевали по всему миру, и, казалось, этой войне не будет конца. Однако вооруженный до зубов противник, не проигравший ни одной битвы, вдруг спустил флаг.

Причина для радости действительно была. Однако готовность президента объявить о победе в холодной войне в день отставки Горбачева (стремившегося, как и Рейган и Буш ее завершить) выглядела странно и даже вызывала тревогу. Отставка Горбачева означала конец советской эпохи (юридически СССР прекратил свое существование четыре дня ранее, 21 декабря). Но распад Советского

Союза не являлся главной целью американцев в холодной войне. Телеобращение Джорджа Буша 25 декабря и январское послание Конгрессу противоречили прежним заявлениям администрации. Ранее руководство Соединенных Штатов утверждало, что холодная война кончится благодаря сотрудничеству с Горбачевым. Первое подобное заявление прозвучало во время саммита СССР и США на Мальте в декабре 1989 года, а последнее Белый дом опубликовал всего за несколько часов до рождественской речи Буша (“Вместе с президентом Рейганом, мною и лидерами наших союзников Горбачев, сделав вклад в создание объединенной свободной Европы... приближал преодоление глубоких противоречий холодной войны”)².

Рождественское выступление Буша ознаменовало отказ от прежней политики. Президент США и его администрация переосмыслили свое отношение к событиям в бывшем СССР. Хотя в 1991 году Джордж Буш и его советник по национальной безопасности Brent Scowcroft публично заявляли об ограниченности своего влияния, теперь они взяли на себя ответственность за наиболее драматическое событие советской политической жизни. Эта новая оценка, появившаяся во время избирательной кампании баллотировавшегося на второй срок Буша, повлияла или даже стала основой американских представлений о финале холодной войны. Эти представления, по большому счету мифические, связывали окончание холодной войны с утратой КПСС своей власти и распадом Советского Союза. Более того, люди увидели в этих событиях плоды политики США, то есть победу Америки³.

Эта книга ставит под сомнение триумфалистскую интерпретацию распада СССР. Поводом для пересмотра стали недавно рассекреченные документы из Президентской библиотеки Джорджа Г. У. Буша, в частности, меморандумы его

советников и стенограммы телефонных переговоров Буша с мировыми лидерами. Эти материалы свидетельствуют, что и сам президент, и его советники пытались продлить жизнь Советского Союза. Их пугал рост влияния Бориса Ельцина и стремление союзных республик к независимости. После того как СССР прекратил свое существование, США требовали закрепления всего советского ядерного арсенала за Россией и сохранения влияния России на постсоветском пространстве (прежде всего в республиках Средней Азии).

Почему же руководство страны, якобы борющейся против СССР в холодной войне, вело такую политику? Ответы можно найти в документах Белого дома и иных американских источниках. С их помощью можно проследить, как риторика вошла в противоречие с политикой администрации США (последняя пыталась спасти Горбачева, рассматривая его как своего главного союзника на мировой арене). Для достижения этой цели Белый дом был готов мириться с дальнейшим существованием КПСС и советской системы. Американское руководство боялось превращения СССР в “Югославию с ядерными бомбами”. Ядерная эра изменила природу противостояния великих держав и значение слов “поражение” и “победа”, но не смогла повлиять на используемый массами лексикон. Администрация Буша пыталась сделать невозможное: согласовать язык и мышление эпохи холодной войны с геополитическими реалиями сменившего ее времени. Ее действия оказались продуктивнее, чем непоследовательные заявления.

Легко понять волнение свидетелей спуска красного флага с кремлевского флагштока при мысли об утратах США, понесенных в глобальном противостоянии с СССР. Однако теперь, двадцать пять лет спустя, важно беспристрастно оценить те события. Взгляд на распад Советского Союза как на символ победы США в холодной войне помог формированию пред-

ставления о преувеличенном влиянии Соединенных Штатов на мировую политику. Это произошло в десятилетие, предшествовавшее событиям 11 сентября 2001 года и девятилетней войне в Ираке (в то время такое мнение было наиболее широко распространено). Завышенная оценка американского фактора в крахе СССР подготовила почву для распространения в современной России конспирологических теорий, считающих распад Советского Союза результатом усилий ЦРУ. Это мнение озвучивается не только на экстремистских сайтах, но и транслируется российскими телеканалами⁴.

Я предлагаю куда более сложную и, вероятно, дискуссионную панораму предшествовавших падению СССР событий. “Американский мир”, установившийся после холодной войны, отмеченной противостоянием двух идеологических лагерей, возник скорее случайно. Важно попытаться проследить процесс формирования этого мира, чувства, умышленные и неумышленные действия его создателей с обеих сторон Атлантического океана. Это поможет понять, что в последние полтора десятилетия пошло не так.

Вынесенный в заголовок концепт “империя” — необходимая предпосылка предложенной здесь интерпретации процессов 1991 года. Я солидарен с мнением политологов и историков, считающих, что проигранная гонка вооружений, экономический спад, возрождение демократии и идеологическое банкротство коммунизма сами по себе не предопределили гибель СССР. Ее причиной стали имперское наследие, полиэтничный состав населения и псевдофедеративное государственное устройство Советского Союза. Значение этих факторов в полной мере не признавали ни американские политики, ни советники Горбачева.

Хотя СССР часто называли “Россией”, он представлял собой целый конгломерат народов, управлявшихся из Москвы то грубой силой, то культурными уступками. Большую часть

советской эпохи республиками руководили твердой рукой. Де-юре русские владели крупнейшей из союзных республик, однако, кроме РСФСР, в состав СССР входило еще четырнадцать республик. Численность русских составляла около ста пятидесяти миллионов — примерно 51 % населения Союза. Вторая по численности этническая группа — украинцы — составляла около 20 % населения СССР.

Победив в борьбе, развернувшейся в ходе Русской революции, большевики получили возможность сохранить Российскую империю. Они достигли этого путем реорганизации государства в псевдофедеративное (по крайней мере, согласно Конституции). Это продлило существование России как многонационального государства, но и она повторила судьбу империй прошлого. В 1990 году большинство союзных республик уже имело собственных президентов, министерства иностранных дел и более или менее демократически сформированные парламенты. Однако до 1991 года мир не понимал, что *Советский Союз* не равнозначен *России*⁵.

Я считаю распад СССР явлением, аналогичным произошедшему в XX веке распаду Австро-Венгерской, Османской, Британской, Французской и Португальской империй. Советский Союз назван здесь “последней империей” не потому, что в будущем империй не будет, а потому, что он был последним государством, сохранявшим наследие “классических” империй нового времени. По моему мнению, крах СССР связан с несовместимостью имперской системы правления и электоральной демократии. После введения Горбачевым в 1989 году элементов электоральной демократии политикам из РСФСР пришлось задуматься над ответом на вопрос: готовы ли они нести бремя империи? А политикам из других союзных республик, в свою очередь, пришлось решить, желают ли они оставаться в империи. В конце концов и первые, и вторые ответили — “нет”.

Первыми возможностью расстаться с империей воспользовались лидеры прибалтийских республик и областей Западной Украины — территорий, насильственно включенных в СССР в соответствии с пактом Молотова — Риббентропа (1939). За ними последовали политики из России и восточнoукраинских областей, входивших в Советский Союз до Второй мировой войны. Новые демократические лидеры прибалтийских государств, Грузии и Армении стремились добиться независимости. В остальных республиках власть продолжали удерживать старые элиты. Однако после прекращения поддержки со стороны Горбачева политическое выживание его наместников попало в зависимость от результата выборов. Это вынудило их договариваться с растущими демократическими силами. Итогом этих событий стал распад СССР на пятнадцать государств по старым республиканским границам⁶.

Я уделяю основное внимание пяти месяцам 1991 года — времени с конца июля до конца декабря, — когда мир буквально стал другим. В конце июля, за несколько дней до визита в Москву Джорджа Буша и подписания исторического документа о разоружении, глава СССР Горбачев и лидер РСФСР Ельцин пришли к судьбоносному соглашению о реформировании Советского Союза. Их договоренности послужили поводом для августовского путча. В конце декабря отставка Горбачева с поста президента поставила точку в истории СССР. Описывая падение Советского Союза, многие ученые и публицисты игнорировали критически важный период между переворотом ГКЧП и отставкой Горбачева. Некоторые из них прямо или косвенно соглашались с утверждением, согласно которому советская эпоха закончилась вместе с запретом КПСС после путча. В моей книге я доказываю ошибочность этого мнения. В момент переворота партия ничем не руководила. Из-под контроля

партийного центра вышли даже местные парторганизации. Путч и последующие события ослабили СССР, но он просуществовал еще четыре месяца. Перемены, решившие судьбу обломков Советского Союза и его ядерного арсенала, произошли осенью и в начале зимы 1991 года⁷.

Стивен Коткин в своих работах о распаде СССР и крахе коммунистических режимов в Восточной Европе сосредотачивается на понятии “негражданского общества”. Под этим он подразумевает партийные элиты, руководившие советской империей до отказа от коммунистического эксперимента. Согласно Коткину, Советский Союз, как и империя Романовых, начал рушиться сверху. Он считает, что распад СССР инициировали и осуществили элиты в центре и на периферии. Действительно, улицы советских городов не заполняли толпы митингующих с требованием роспуска СССР. Бывшая сверхдержава распалась на удивление мирно, особенно в четырех республиках, на территории которых размещалось ядерное оружие: России, Украине, Белоруссии и Казахстане. В конечном счете судьба СССР была решена в высоких кабинетах. Это произошло в ходе масштабного диалога с участием крупнейших политических фигур Запада и Востока — диалога, который стал настоящей борьбой нервов и дипломатических навыков. Ставки были огромны. На карту было поставлено политическое и, в отдельных случаях, даже физическое выживание игроков⁸.

Центральную роль в событиях 1991 года сыграли несколько человек, которые, по моему мнению, несут основную ответственность за драматическую и вместе с тем мирную переменную мировую политики. Предлагаемая картина событий не однополярна, как мир после 1991 года, и не биполярна, как мир во время холодной войны. Скорее, она многополярна: таким мир был большую часть своей истории и таким станет в будущем благодаря расширению

влияния Китая и проявлению внутренних политических и экономических проблем в США. Я уделяю особое внимание решениям, которые принимались не только в Вашингтоне и Москве, но и в Киеве, Алма-Ате (с 1993 года — Алматы) и столицах остальных союзных республик, вскоре получивших независимость. Главными действующими лицами книги являются четыре политических лидера, которые сыграли наиболее значительную роль в судьбе СССР и всего мира.

Во-первых, это президент Джордж Г. У. Буш — один из самых осторожных и непритязательных западных лидеров своего времени. Именно поддержка им Горбачева и беспокорство о сохранности ядерного арсенала продлило дни советской империи и предопределило мирный характер ее распада. Во-вторых, это президент России Борис Ельцин, человек прямолинейный и решительный. Он с горсткой единомышленников противостоял путчистам, а позднее отказался последовать примеру сербского президента Слободана Милошевича, чтобы сохранить разваливающуюся империю или пересмотреть границы России. В-третьих, это хитроумный глава Украины Леонид Кравчук, чья непреклонность в вопросе получения республикой независимости приговорила Союз. Последним по порядку, но не по значимости, является Михаил Горбачев: он рисковал больше всех и потерял все — престиж, власть, государство. Этот человек увел страну от тоталитаризма, открыл ее миру, внедрил демократические процедуры и начал экономические реформы. Горбачев изменил свое государство и мир настолько, что для него ни там, ни там не осталось места.

Мой главный аргумент достаточно прост: судьба СССР была решена в последние четыре месяца его существования — с начавшегося 19 августа 1991 года путча до состоявшейся 21 декабря встречи глав республик СССР в Алма-Ате.

Я считаю, что судьбу советской империи предопределили не политика США, не конфликт союзного центра с РСФСР, не напряженные отношения Москвы с союзными республиками. Главную роль сыграли отношения между Россией и Украиной. Последним гвоздем в гроб стало нежелание (или неспособность) руководства руководства двух крупнейших республик найти способ сосуществования в рамках единого государства.

Восьмого декабря в Беловежской пуще Ельцин и Кравчук не смогли договориться о переустройстве Союза по модели, предложенной Горбачевым. Вместо этого они решили распустить СССР и образовать взамен Содружество Независимых Государств. Принимавшее саммит белорусское руководство не представляло себе Союз без России. То же можно сказать о президентах республик Центральной Азии: у них не оставалось иного выхода, кроме как последовать примеру руководителей России и Украины. Возглавляемый Горбачевым Союз без России или Украины никому не был нужен.

За двадцать лет многие участники тех событий (Джордж Буш, Михаил Горбачев, Борис Ельцин, Леонид Кравчук, их советники) опубликовали свои мемуары. Эти книги интересны и содержат много ценных материалов, однако воссоздаваемая в этих книгах картина неполна. Газетные репортажи незаменимы для понимания духа времени, но указанные источники появились тогда, когда секретные документы еще были недоступны, а политики предпочитали помалкивать. Я преодолел ограничения, с которыми приходилось сталкиваться моим предшественникам, используя интервью главных действующих лиц и рассекреченные в последние годы архивные документы.

Я пользовался недавно рассекреченными материалами из Президентской библиотеки Джорджа Г. У. Буша. Речь идет о бумагах Совета по национальной безопасно-

сти, переписке сотрудников Белого дома, занимавшихся организацией зарубежных визитов президента, стенограммах его встреч и телефонных переговоров (доступ к части этих документов я получил благодаря запросам, поданным в соответствии с законом “О свободе информации”). Эти материалы, а также первоисточники, хранящиеся в Национальном архиве в Вашингтоне, коллекции Джеймса Бейкера в Принстонском университете и архиве Горбачев-фонда в Москве, позволили воссоздать неизвестные ранее подробности краха СССР. Кроме того, мне посчастливилось лично провести интервью с несколькими центральными участниками описываемых событий, в частности, с бывшим президентом Украины Леонидом Кравчуком и с бывшим руководителем Белоруссии Станиславом Шушкевичем.

Использованные источники помогли мне ответить на многие “как” и отдельные “почему”. Поиск ответов на последний круг вопросов я, как правило, начинал с попытки понять идеологические, культурные и личные мотивы, влиявшие на персонажей, и изучать информацию, исходящую из которой они принимали решения. Надеюсь, что предложенные ответы не просто прольют свет на причины крушения Советского Союза, но и помогут объяснить хронические проблемы сосуществования России и Украины после его распада. Кроме того, я надеюсь, книга поможет читателям понять истинную роль США в падении СССР, так как влияние Соединенных Штатов в мире до сих пор в значительной степени определяется решениями 1991 года. Непонимание причин ведет не только к имперскому высокомерию, но и к упадку собственной империи. И неважно, используется это слово для самоопределения или нет.

Часть I
Последний саммит

Глава 1

Встреча в Москве

В английском языке слово “саммит” означает вершину горы или высшее достижение. В 1953 году это слово пополнило лексикон дипломатов: тогда два отважных альпиниста смогли наконец покорить Эверест, а Уинстон Черчилль, выступая в британском парламенте, заявил о “саммите народов”. Два года спустя, когда “саммитом” называли встречу советских и западных лидеров в Женеве, слово стало общеупотребительным. Встречи на высшем уровне с 30-х годов стали важным компонентом международных отношений, и дипломаты с политиками остро нуждались в новом термине. Слово “саммит” подошло идеально. Несмотря на то, что правители с незапамятных времен встречались для обсуждения общих проблем, в доавиационную эпоху такие события были довольно редки. Появление же авиации не только произвело революцию в военном деле, но и не меньшим образом повлияло на дипломатию, цель которой — предотвращение военных конфликтов. Так дипломатия в буквальном смысле покорила новые высоты.

Современная история саммитов началась в сентябре 1938 года, когда премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен прилетел в Германию, пытаясь отговорить Адоль-

фа Гитлера от нападения на Чехословакию. Уинстон Черчилль, Франклин Д. Рузвельт и Иосиф Сталин внесли свой вклад в развитие личной дипломатии, еще не имевшей собственного названия. Во времена холодной войны практика проведения саммитов (встречи Никиты Хрущева и Джона Ф. Кеннеди, а позднее — Леонида Брежнева и Ричарда Никсона) стала общепринятой, но советская дипломатия еще долго не признавала этот термин. Лишь летом 1991 года советские газеты отвергли предпочитаемую до тех пор формулу “встреча на высшем уровне” и заменили его английским словом “саммит”. Для термина, в следующее десятилетие почти исчезнувшего из дипломатического лексикона, эта победа стала Пирровой¹.

“Встреча на высшем уровне” (из-за которой советская сторона пошла на изменения в своей дипломатической терминологии) сорок первого президента США Джорджа Г. У. Буша и первого президента Советского Союза Михаила Сергеевича Горбачева была запланирована в Москве на 30–31 июля 1991 года. К саммиту готовились долго, однако дату определили всего за несколько недель до события: работавшие на износ советские и американские специалисты почти до последнего момента согласовывали детали исторического договора. Буш хотел, чтобы все произошло как можно скорее: никто не знал, надолго ли задержится в Кремле Горбачев и сохранится благоприятная для заключения соглашения обстановка.

Белый дом преподносил встречу Буша и Горбачева как первый саммит после окончания холодной войны. Договор был призван заложить фундамент сотрудничества двух великих держав и касался такого важного вопроса, как ядерное оружие. В Договоре о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), который после девяти лет переговоров был наконец готов, речь шла о взаимном

сокращении ядерных арсеналов почти на 30 % (на 50 % — советских межконтинентальных ракет, нацеленных в основном на США). Как следовало из 247-страничного договора, сопровождаемого 700 страницами протоколов, президенты двух стран были готовы не просто обуздать гонку вооружений, но и начать разоружение².

Противостояние двух крупнейших держав, начавшееся после Второй мировой войны и едва не приведшее мир к катастрофе, кончилось. А с падением в ноябре 1989 года Берлинской стены и воссоединением Германии, а также с принятием Горбачевым “доктрины Синатры” (что позволило восточноевропейским сателлитам действовать на свое усмотрение и в итоге покинуть орбиту Москвы) конфликт, составлявший суть холодной войны, оказался исчерпан. Начался вывод советских войск из Восточной Европы. Но перемены в политике почти не коснулись ядерных арсеналов. Чехов как-то заметил, что если в первом акте пьесы на стене висит ружье, во втором оно должно выстрелить. А у двух сверхдержав ядерных “ружей” имелось более чем достаточно.

Ядерное оружие было неотъемлемым атрибутом холодной войны. Именно ему история обязана и опасными выражениями, и тем обстоятельством, что две большие страны, первыми заполучившие ядерное оружие, не переступили черту и избежали открытого конфликта. В условиях “холодного” геополитического противостояния вокруг расчлененной Германии Америка (летом 1945 года пополнившая свой арсенал ядерной бомбой) не чувствовала себя беззащитной перед Советами, имевшими превосходство в обычных вооружениях в Центральной и Восточной Европе. С другой стороны, СССР видел уязвимость собственной территории. Советские власти ускорили разработку ядерной бомбы, и в 1949 году (не без помощи похищенных у США технических секретов) также обзавелись новым оружием.